

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА ПЕРВОЙ СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ ГЛАГОЛИЦЫ

Л.Б. Карпенко

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

1. О семиотическом принципе двойного кодирования.

Семиотика – наука о знаковости предметных и графических форм – исследует объекты как информационные системы, носители заключенного в них смысла. С развитием во второй половине XX в. семиотического подхода новое осмысление получают общие для семиотики, культурологии и лингвистики проблемы интерпретации текста, изучения истории письма и древних визуальных символов и другие проблемы, связанные с дешифровкой смысла. Принципиальное значение при изучении таких объектов получает установление соотношенности, взаимодействия дискурсивного и визуального символизма. Механизм образования семантических тропов в процессе создания и прочтения художественного текста выявляет Ю.М. Лотман. Он актуализирует высказанные еще пионером изучения древнеславянских и византийских рукописей Ф.И. Буслаевым мысли о единстве культуры, о взаимопроникновении литературных и художественных элементов [Буслаев 1861: 314]. Ю.М. Лотман называет это соединением в едином механизме культуры изобразительных и словесных связей как соотношенных каналов передачи информации и говорит о возможности перенесения в одну семиотическую сферу структурных принципов другой на стыке разных искусств, в особенности на границе «слово/изображение», но сосредоточивает внимание на непереваемости визуальных и словесных текстов как источнике образования тропов. Возникающее напряжение одновременно проецируемых друг на друга дискретного, словесного и иконического языков является источником порождения новых смыслов, и в этом заключается «механизм» творчества вообще [Лотман 1996: 86, 109]. Сосуществование словесного и визуального, в разных пропорциях обнаруживаемое в создании и восприятии объектов культуры, является универсалией человеческой деятельности, прояв-

ляющейся в наложении вербального и визуального образных рядов. Как отмечает канадский психолог и семиотик А. Павио, человеческое познание уникально в том смысле, что оно специализировано для одновременной работы с вербальными и невербальными объектами и событиями [Paivio 1986: 53].

Выявление взаимодействия указанных кодов – дискурсивного (словесного) и визуального – способствует раскрытию содержания феноменов культуры, трудно поддающихся интерпретации. Особое значение при этом приобретает дешифровка визуального символизма, поскольку целостный визуальный образ может кодировать смыслы, требующие значительного дискурсивного выражения.

Использование двойного кодирования, как и осмысление возможностей пространственно-визуального выражения содержания, наметилось намного раньше, чем оформилась семиотика как научное знание. Такой опыт был главным образом связан с поиском средств выражения сакральных смыслов на почве религиозно-философских исканий. Оценка эффекта целостного кодирования смысла визуальными символами присутствует уже в культуре поздней античности у основателя неоплатонизма Плотина – родоначальника учения о неизъяснимости трансцендентного Единого. Показательны его рассуждения о преимуществах иероглифических знаков по сравнению с алфавитным письмом: «... каждое такое изображение является наукой и мудростью, и именно – в своей субстратной цельности, не в качестве дискурсивного мышления или убеждения» (цитата по: [Лосев 1980: 453]).

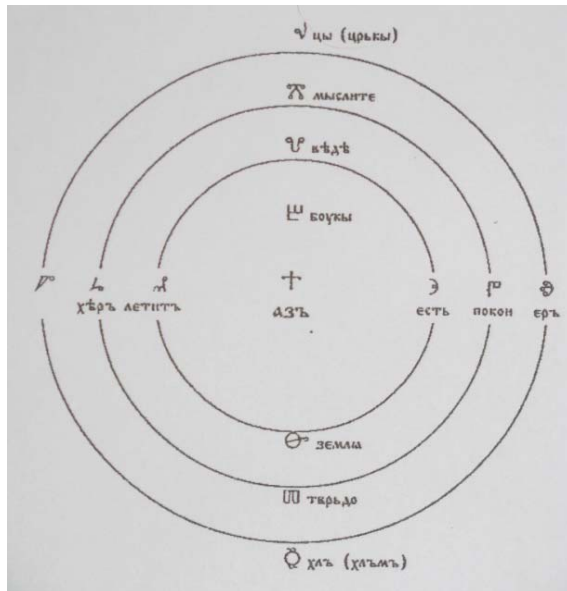
В разработанном позднее византийскими религиозными философами символическом богословии визуальным символам и знакам отводится роль основных средств метафорического выражения Божественной истины, которым отдается предпочтение перед словесными средствами. В учении Дионисия Ареопагита символ предстает в качестве универсальной категории, предназначение которой противоречиво: с одной стороны, символ служит для обозначения и тем самым для выявления непостижимого, с другой – является покровом, оболочкой, скрывающей неизреченное. Знание, скрытое в символах и знаках, постигается через заключенную в них гармонию и красоту [Бычков 1977: 2].

2. Семиотический подход в интерпретации первой славянской азбуки глаголицы.

Создание азбуки глаголицы славянским первоучителем святым Константином Кириллом-Философом было, безусловно, актом проявления творчества, для пробуждения которого были все основания: неудовлетворенность отсутствием письма у славян, желание, готовность и возможность решения этой важной задачи. Парадокс состоит в том, что долгое время оставалась нераскрытой творческая природа глаголицы. Причина этого кроется в том, что на протяжении двух столетий азбука рассматривалась с узко лингвистических позиций исключительно как фонографическая система и с позиций формального палеографического подхода, при котором начертания букв интерпретировались как знаки производные от других алфавитов. Не уделялось внимание культурно-историческому контексту, содержательной связи азбуки с библейским текстом, эстетическим принципам раннехристианской традиции, конструктивным элементам букв, их знаковой мотивированности, знакообразующей и дифференцирующей роли. Вследствие этого формальные сопоставления глаголицы с алфавитами других языков не привели к обнаружению ее прототипа, а первые попытки объяснения начертаний не дали ключа к их разгадке. В самом общем смысле христианский символизм предполагал в глаголице Г. Чернохвостов, но его схематичная трактовка, согласно которой буквы являются комбинацией креста, кругов или треугольников, не получила развития. Распределение букв по ассоциации с тремя традиционными христианскими символами не объяснило их индивидуальных форм и значений.

Новым в предпринятом нами исследовании было рассмотрение глаголицы в русле системного семиотического подхода: в историческом контексте создаваемой славянской письменной традиции, в контексте Библии и раннехристианской эстетики, в ракурсе выявления семиотической специфики букв глаголицы и всей азбуки в целом. В ряде предшествующих публикаций автора обоснованы положения о том, что знаки глаголицы, помимо фонографических свойств и дискурсивной функции, обладают свойствами идеографии и наделены символической функцией кодирования христологического содержания. Глаголица в целом показана

на как семиотическая система, образующая единый, совокупный христианский метасимвол – круг из трех окружностей с вписанным крестом.

Модель глаголического круга (векторные знаки)

Закрывающий в символической форме многоаспектное содержание глаголический «вселенский круг» образуется *закономерно* из 38 букв – именно из того их количества, на которое как на состав первой славянской азбуки указывает сочинение древнеболгарского книжника Черноризца Храбра и ряд других источников. Построение модели глаголического круга задается семиологическим значением первых трех знаков [Карпенко 2009: 34]. Христологическое значение целостной многофункциональной семиотической модели азбуки с вписанным крестом и вертикалью, символизирующей идею восхождения к ведению, разуму, вере, обуславливает и поддерживает значение отдельных фрагментов и христологический символизм ее матрицы.

По нашей концепции, символизм букв глаголицы является следствием их синкретичного характера – соединения принципов фонографии и идеографии и соотнесенности графических форм азбуки с символической системой христологического комплекса «правой веры», который отстаивали в своей миссионерской деятельности Кирилл и Мефодий. Этот комплекс представлен в их наследии разными средствами – текстовыми, лексическими и, как показывает семиотический анализ, символами глаголической азбуки. Именно семиотический подход позволяет установить принципы структурной организации глаголицы и ее знакообразования.

В свете семиотического подхода глаголица предстает как письмо уникальное по своим свойствам. Существенным в ее начертаниях является соединение смысла и графического образа, они представляют собой стилизованные знаки-символы, которые «отсылают» к религиозным прообразам. Таковы первая буква **Азь**, имеющая форму креста, буква **Ять**, имеющая форму равно-стороннего треугольника с вписанным египетским крестом, не менее символичны начертания матричных знаков азбуки, о которых будет сказано далее. Эффект двойного кодирования возникает при соположении букв, например, при соединении знаков **Людие** и **Мыслите**. При соединенном подтитловом написании в старославянских рукописях букв **Людие** и **Мыслите**, вместе обозначающих слово *молитва*, читается дополнительный символический смысл: пребывая в молитве, человек обретает свою полноту; вне Бога человек несовершенен, неполноценен, он лишен своего завершения – разума (отсюда и призывно звучащее словосочетание из имен букв: **Людие** и **Мыслите**). А изолированное начертание буквы **Людие** в контексте Священного Писания получает значение символа неправедного, непрямого пути – петли, они как бы опутаны сетями дьявола. Подобным образом и все знаки глаголицы символически, в большей или меньшей мере, наглядно воспроизводят элементы православных религиозных представлений.

Существенным признаком глаголицы является ее системность. Она характеризуется определенными особенностями: последовательностью принципов организации, повторяемостью отдельных графических элементов, их не только дискурсивной сочетаемостью в церковнославянских богослужебных текстах, но и пара-

дигматической и синтагматической сочетаемостью в структуре азбучного кода. В этой парадигматической и синтагматической сочетаемости знаков-символов обнаруживается их свойство аккумулялировать содержательное пространство культуры, синтезировать целостные символические образы, одновременно представлять различные аспекты единого содержательного комплекса, выражать и формировать христианское восприятие и сознание древнего славянина. Все эти особенности свидетельствуют о системном характере глаголицы, о ее рациональной, творческой природе, о скрытом присутствии в ней автора, воплотившего в первом славянском алфавите образ божественного Универсума. Нужно подчеркнуть также, что семиотические потенции глаголицы, в силу уже отмеченной комплексной природы ее знаков, поддерживаются двойным, дублирующим характером создания образа в парных кодирующих системах, ориентированных на разные способы восприятия: вербальной – в имени буквы и визуальной – в начертании. Однако потенции символа всегда шире данной реализации, символ определяется как знаковое выражение высшей и абсолютной незнаковой сущности.

В именах славянской азбуки выражена философия этики. Азбука утверждает принципы добродетельной, праведной жизни. Имена букв повторяют ключевые заповеди Библии, они составляют фразы из узнаваемых библейских речений. Показательна смысловая связь имен **Глаголи, Добро, Есть, Живете, Зело, Земля...** с контекстом тридцать шестого псалма, содержащего правила добродетельной жизни; в нем уста Бога обращены к Земле: *Твори добро, и будешь жить вовек... живи на земле и храни истину... Праведники наследуют землю* – Пс. 36: 27–37 (цитаты из Библии на русском языке приведены по русскому Синодальному переводу). Уже эта связь имен с Писанием свидетельствует о том, что славянская азбука служит полюсом сосредоточения христианских ценностей. Содержательно обусловлены библейским контекстом не только имена, но и начертания глаголических букв.

Можно говорить о древности и универсальности приемов создания глаголического знакового образа и его графического воплощения. Они основаны на механизме перевода словесно переданного образа в образ визуальный, на универсальных тропах: на метафоре, метонимии или синекдохе (**Веди**, начертание, совпа-

дающее с астрономическим символом Овна, символизирует Христа: Овен – Агнец – символ Христа; **Глаголи** – изображение раскрытых уст – символ Божественных глаголов; **Живете**, имеющий форму ростка, – символ жизни; **Ерь**, совпадающий по форме с формой человеческого эмбриона – символ рождения; **Людие** – кривые пути – символ греховности; **Твердо** – изображение столпов – символ тверди; и т.д.) и находят параллели в древневосточных изобразительных приемах.

Начертания глаголических букв так же, как и их имена, обусловлены содержанием Священного Писания, они воспроизводят наиболее значимые с точки зрения христианства аспекты отраженного в Библии религиозного миропонимания. Глаголические буквы-иероглифы, буквы-символы, в которых древним славянам было явлено евангельское слово, обеспечивали возможность не только его прочтения, но и «чувственного» восприятия текста через созерцание.

3. Отражение христологического комплекса в глаголице.

Наглядно соотносимость имен букв и начертаний и вместе их соответствие христологическому контексту можно проиллюстрировать на примере ряда знаков, которые условно названы мной знаками глаголической матрицы. Ближайший, раскрывающий, контекст для этих знаков представляют Евангелие от Иоанна и вторичный по отношению к нему Никейский Символ веры, принятый Первым Никейским Собором в 325 г.

Христианское вероучение о Богочеловеке Христе, соединившем всю полноту и божественной, и человеческой природы, в Евангелии от Иоанна передано в двух главенствующих идеях: в идее Его мессианства – *нисхождения* от Бога-Отца и *восхождения* – и Его человеческой *рожденности*, которые получили отражение и в Никейском Символе веры. Эти важнейшие аспекты христианского религиозного содержания находят последовательное выражение в глаголице, как бы скрепляя ее структуру в символическую матрицу, которую составляют буквы **Ижеи** (на круге), **Слово**, **Ерь**, **Хль** (Хльмъ). Вместе они образуют закономерный ряд и передают мессианскую идею троекратно на разных кодовых азбучных уровнях: на фонетическом, на уровне имен букв, а также на графическом уровне начертаний. Своими фонетическими зна-

чениями И С Ъ Х эти знаки в азбучном коде образуют имя Христа. Мысль о Спасителе иносказательно передана и в именах букв **Ижеи**, **Слово**, **Ерь**, **Хль**. Их значения «Тот, Который», «Слово», «Священный», «Холм», ассоциирующиеся с именами Бога в Библии, взятые вместе, образуют текст, который соотносит идею Бога-Слова с понятиями «Священный» и «Холм». Начертания знаков **Ижеи** (на круге), **Слово**, **Ерь**, **Хль** наглядно передают мессианскую идею о нисхождении и восхождении, рождении и вознесении Христа.

В соответствии с традицией формального палеографического подхода (без визуального сходства, а только по сходству обозначаемых звуков) эти знаки производились из букв других алфавитов. Знак **Слово** производился от латинского S (Й. Добровский), от греческой сигмы (П.И. Шафарик, Фр. Рачки, И. Ягич). **Ижеи** (на круге) рассматривался как знак, производный из латинского курсивного ипсилон (Л. Гейтлер), выводился также из греческих эпсилон и йоты (И. Тейлор), из греческой эты (И. Ягич) и т. д. Прежде не было найдено объяснение тому, какое значение имеет каждый из этих знаков, что означает месторасположение элементов (треугольника и круга) в буквах **Ижеи** и **Слово**.

В нашей концепции начертания зеркальных знаков **Ижеи** (на круге) и **Слово** рассматриваются как графические символы, передающие мессианскую идею. Начертание буквы **Слово**, как и форма **Ижеи**, второй из двух рассматриваемых букв, обладающих поразительной симметрией и состоящих из христианских символов круга и треугольника, является символом со своим особым содержанием, которое имеет опору в тексте Евангелия от Иоанна. Направление острия треугольника – вниз к кругу в **Ижеи** и вверх к кругу в **Слово** – графически выражает понятия **нисхождения** и **восхождения** Спасителя.

Мысль о небесном происхождении Иисуса, нисходящего от Бога и возвращающегося к Богу, последовательно развивается в главах Евангелия от Иоанна: *Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня Отца* – Ин. 6, 38; *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, суший на небесах; И как Моисей вознес змию в пустыне, так и должно вознесу быть Сыну Человеческому* –

Ин. 3, 13–14; *Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?* – Ин. 6, 62.

Евангелие от Иоанна, как об этом сказано в Пространном житии Кирилла, было первым текстом, который начал переводить Кирилл на славянский язык. Разработанная им азбука графически запечатлела доминирующую идею Евангелия от Иоанна, которая также лаконично и выразительно сформулирована в посланиях апостола Павла: *А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес* – Еф. 4, 9–10.

Славянские **восшедший** и **нисшедший** являются точным переводом соответствующих греческих терминов, используемых в Библии для передачи божественной природы Мессии, терминов, проходящих через Ветхий и Новый завет и являющихся ключевыми для понимания сверхъестественной сущности Христа. Именно эти терминологические обозначения библейских понятий и нашли отражение в двух символах глаголической матрицы.

Третий знак матрицы, замыкающий третий десятизнаковый ряд азбуки, **Ерь** имеет форму человеческого эмбриона и в системе глаголицы предстает как символ рождения. Греческий по происхождению корень имени буквы имеет значение «священный». **Ерь** есть символ плода во чреве, плода в утробе, о котором говорится в Библии как о благословенном даре Бога.

Четвертый знак **Хль** (Хльмъ) – символ Вознесения – солнцеобразный знак с четырьмя спиралевидными лучами. Начертание **Хль**, его имя (свернутое «Холм») и 33-е место в азбучном ряду взаимосвязаны и также подчинены символизации мессианской идеи: в святоотеческих толкованиях Болонской Псалтыри аллегорический образ холма объясняется как один из символов, возводящих к образу Христа.

Важно подчеркнуть точное соответствие содержательной структуры глаголической матрицы смысловому комплексу о Нисходящем и Восходящем, Рожденном и Грядущем, относящемуся к Христу в Никейском символе веры [Карпенко 2020: 60–64]: При соотнесении с Никейским Символом веры отмечаем соответствие

содержания матрицы глаголицы смысловому комплексу о *нисходящем, восходящем, рожденном и грядущем со славой*, относящемуся к Сыну в Никейском символе веры:

Πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν... Καὶ εἰς ἕνα Κύριον Ἰησοῦν Χριστόν...
γεννηθέντα... κατελθόντα ἐκ τῶν οὐρανῶν καὶ σαρκωθέντα... καὶ
ἐνανθρωπήσαντα... Καὶ ἀνελθόντα εἰς τοὺς οὐρανοὺς... Καὶ πάλιν
ἐρχόμενον μετὰ δόξης...

Верую в единого Бога... И в единого Господа Иисуса Христа...
рожденного... сошедшего с небес и принявшего плоть... и
ставшего человеком... И восшедшего на небеса... И снова
грядущего со славой...

Весь ряд начертаний матричных знаков, имеющих явную идеографическую природу, следует рассматривать как высказывание на символическом языке. Содержательное единство всех четырех элементов рассматриваемого знакового ряда очевидно. Все элементы взаимосвязаны: фонетические значения, имена, начертания, – и каждая из этих составляющих включает особый аспект значения, существенный для символикации христианской идеи.

В рассуждениях о развитии письма выдающегося русского религиозного философа и ученого П. А. Флоренского содержится мысль о том, что и в древних культурах, и в культурах, достигших наибольшего расцвета, наблюдается тяготение к использованию зрительных символов идей, «в некотором отношении идеографическая письменность может быть названа универсальным языком человечества» [Флоренский 1996: 564–567]. Отражение именно такого тяготения к зрительным символам идей и обнаруживает глаголица при семиотическом ее анализе. Созданная в эпоху раннего средневековья, славянская азбука глаголица обладает признаками универсальной системы письма, сочетающей принципы фонографии и идеографии. Ее идеографические свойства связаны с кодированием важнейших религиозно-нравственных смыслов: идеи о Спасителе – высшей ценности христианского вероучения, идеи божественного миропорядка и христианских нравственных императивов. Содержательная обусловленность структуры азбуки, имен и начертаний и является важнейшим семиотическим аргументом ее творческой природы.

Литература

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2.

Бычков В.В. Corpus aegeraticum как один из философско-эстетических источников восточнохристианского искусства // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси: АН ГССР. Институт истории грузинского искусства им. Г.Н. Чубинашвили, 1977.

Карпенко Л.Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, Церковь, религия в России и за рубежом. М., 2009. № 2. 16–39.

Карпенко Л.Б. Глаголица и Символ веры: к вопросу о христологическом содержании первой славянской азбуки // Palaeobulgarica, XLIV (2020). № 4. С. 47 – 70.

Лосев А.Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.

Флоренский П.А. Symbolarium (словарь символов) // Флоренский: PRO ET CONTRA. СПб.: Изд-во Русск. Христианск. Гуманитарн. ин-та, 1996.

Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. New York: Oxford University Press, 1986.